

В день выписки Лу Яня всё еще шел дождь. Мелкая изморось серой дымкой ложилась на асфальт, бесшумно пропитывая его влагой, а пронизывающий ветер заставлял кожу покрываться мурашками.

К концу марта холода обычно отступали, и большинство людей обходились парой легких вещей. Бай Муюню, человеку по натуре горячему, хватало тонкого джемпера поверх рубашки, но с Лу Янем всё было иначе. У того круглый год мерзли руки и ноги; если летом это еще можно было терпеть, то в любое другое время он готов был часами обнимать грелку или греться у самого огня.

Бай Муюнь укутал его так плотно, что, кажется, готов был натянуть на него еще и вязаную шапку с варежками, если бы они только оказались под рукой.

— Всё еще холодно? — заботливо уточнил он.

— Терпимо, — Лу Янь обеими ладонями сжал теплую левую руку спутника и, чуть вскинув голову, улыбнулся. — Твои руки очень греют.

Ассистенты, следовавшие по пятам, дружно сделали вид, что изучают потолок. Подумаешь, за руки взялись! За последние дни они и не такое видели. Мелочи жизни, право слово.

Стоило им спуститься на первый этаж, как Лу Янь тут же высвободил ладонь и выпрямился. Заметив вопросительный взгляд Бай Муюня, он коротко пояснил:

— Там репортеры.

— Ясно, — Бай Муюнь с нескрываемым раздражением покосился на кучку журналистов. — Мешаются только.

Он раскрыл зонт, укрывая их обоих. Репортеры, почуяв добычу, тут же засуетились и рванули навстречу.

— Лу Янь, можно пару слов для интервью?

— Лу Янь, какова причина пожара на съемочной площадке? Это действительно был поджог?

— Если это поджог, то кому это выгодно?

— Бай Муюнь, правда ли, что целью преступника были именно вы? У вас есть враги?

Ассистенты живым щитом встали на пути прессы, не давая им подойти вплотную. Лу Янь

хранил молчание, быстрым шагом направляясь к машине. От спешки он едва не споткнулся на ровном месте, но Бай Муюнь, не сводивший с него глаз, вовремя подхватил его под локоть. Впрочем, выпускать его он уже не собирался — так и повел, собственнически обняв за талию. Лу Янь попытался было отстраниться, но услышал лишь строгое:

— Не дергайся.

Вспышки фотокамер застрекотали с удвоенной силой: пресса была в восторге от такой близости.

— Мы же договаривались... — вполголоса напомнил Лу Янь, косясь на него.

— Без меня ты и шагу ступить не можешь, чтобы не упасть, — Бай Муюнь включил режим невозмутимого упрямства. — Я тебя просто страхую.

Лу Яню ничего не оставалось, кроме как прибавить ходу. Оказавшись у автомобиля, он быстро юркнул в салон. Только когда дверца за ним захлопнулась, Бай Муюнь развернулся к журналистам. На все вопросы о пожаре он отвечал обтекаемыми фразами, советуя дожидаться официальных результатов расследования.

Смирившись с тем, что из киноимператора ничего не вытянуть, пресса зашла с другого бока:

— Скажите, какие отношения связывают вас с Лу Янем?

— А вы как думаете? — парировал Бай Муюнь.

— Ваше взаимодействие выглядит... весьма интимным.

— Именно так, как вы и видите.

— Киноимператор Бай, какова ваша ориентация?

— Можете попробовать угадать.

— Вы ведь всё это время дежурили у постели режиссера Лу? Неужели ваши отношения зашли так далеко?

— А как вам кажется?

Журналисты замерли в немом ступоре. Черт возьми, это они берут интервью или он у них?!

Бай Муюнь, сохраняя на лице вежливую улыбку, продолжил:

— И как же вы планируете об этом написать?

В ответ — тишина. Кому какое дело, как они напишут?!

— Господа, — голос актера стал мягче, но в нем прозвучали многозначительные нотки, — кофе в эти дни был вкусным?

Репортеры помрачнели. В следующий раз — никакого бесплатного кофе! Чувство «обязанности» после угощения слишком уж душило.

Напоследок Бай Муюнь бросил фразу, которая звучала великодушно, но на деле была скрытым предупреждением:

— Вы — люди медийные. Пишите что хотите и как хотите, опираясь на то, что видите. Но помните: нужно уважать объективные факты.

Если для фанатов и случайных прохожих Бай Муюнь был холодным небожителем или простым, верным своему делу парнем, то для прессы он оставался человеком с темным прошлым, огромным влиянием и непредсказуемым характером. Стоило вспомнить судьбу Дуань Цяня или нынешнее плачевное состояние «Клубничного развлечения», чтобы желание сочинять небылицы мгновенно угасло.

«Чувствую, это была угроза...» — подумал один репортер.

«Объективные факты? Да ты хоть намекни, в чем тут факт!» — негодовал другой.

«Так и хочется написать, что они любовники... Но нет, я еще пожить хочу. Напишу, что они — лучшие друзья», — решил третий.

Бай Муюнь попрощался с прессой и сел в машину.

— И это ты называешь «шаг за шагом»? — Лу Янь тут же вцепился в его рукав, требуя объяснений.

— Именно так, — Бай Муюнь невинно ущипнул его за щеку. — Иначе зачем бы мне их припугивать?

— Ох, — Лу Янь прислонился к его плечу. — Как скажешь.

— У группы еще остались деньги? Может, мне стоит вложиться покрупнее?

— Нет нужды! Как только пошли слухи о твоём участии, к учителю Ся выстроилась очередь из инвесторов. К тому же, у меня и свои средства имеются.

Бай Муюнь удивленно приподнял бровь:

— И сколько же у тебя припрятано?

— Ну, примерно несколько... — Лу Янь внезапно осекся. Голос его охрип, он поспешно отстранился и, стараясь не смотреть в глаза партнеру, пробормотал: — Ничего нет. Ни единого цента не осталось.

Бай Муюнь молча и пристально смотрел на него. Лу Янь занервничал:

— Ты сердишься?

— Снова врешь мне? — киноимператор решил немного припугнуть его, и он стал пугающе холодным.

Лу Янь в панике обхватил его за шею, принимая самый жалкий и покорный вид. Чмокнув его в щеку, он запричитал:

— Прости, я виноват.

— В чем именно?

— Я просто хотел, чтобы ты меня пожалел... хотел добавить веса своему предложению, чтобы ты точно согласился на роль в «Рассвете и сумерках». Поэтому и наплел, что вбухал в фильм всё своё состояние, — Лу Янь уткнулся носом в его плечо, занимаясь самобичеванием. — Я подлый, бесчестный... Я даже специально подговорил Сяо Аня и брата Чу, чтобы они передали тебе мои слова.

Он еще раз поцеловал мужчину в уголок губ.

— Наказывай как хочешь: бей, ругай, только не злись, это вредно для здоровья.

— Значит, ты не продавал дом и машину?

— Нет, — едва слышно ответил режиссер.

Бай Муюнь холодно хмыкнул:

— А вы весьма расчетливы, режиссер Лу...

Лу Янь крепче прижался к нему, боясь, что его оттолкнут.

— Ну, есть немного... — Он тут же добавил: — Я как вернусь, сразу отдам тебе все свои сберегательные книжки и карты.

— И зачем они мне?

— Чтобы сдать на твою милость. Ты не можешь... не можешь бросить меня, — Лу Янь вцепился в него, словно осьминог. — Всё моё имущество теперь твоё.

Бай Муюнь не выдержал и негромко рассмеялся.

— Ладно уж, не брошу. И злиться не буду.

— Правда?

Мужчина погладил его по голове, потирая мочку уха.

— Глупыш. Ты растешь над собой. Я бы даже хотел, чтобы ты был еще хитрее, а не таким «белым и пушистым», как раньше.

— Врать — это плохо, — Лу Янь продолжил покаяние. — Я больше никогда не буду тебя обманывать.

— Хорошо.

— Я люблю тебя, — внезапно произнес Лу Янь.

Бай Муюнь, ласкавший его ухо, замер. Он встретился взглядом с янтарными глазами, в которых сейчас плескалось глубокое, словно океан, и яростное, как шторм, чувство.

— Я люблю тебя и хочу быть рядом. Поэтому я и искал любые способы сблизиться, — повторил Лу Янь. — Но врать больше не буду.

Бай Муюнь мельком глянул на двух ассистентов впереди. «Как же они не вовремя», — подумал он.

Сяо Ань и Цзи Бай почувствовали, как по спинам пробежал холодок.

Бай Муюню пришлось ограничиться легким, мимолетным поцелуем.

— Я понял. Я тоже тебя люблю.

Лу Янь задернул шторку, отделяющую задние сиденья от кабины, и прошептал на ухо Бай Муюню:

— Лу Янь любит Бай Муюня.

Это была провокация, и Лу Янь знал это.

Бай Муюнь послушно шагнул в ловушку. Он обхватил подбородок юноши и, прикрыв веки, низким голосом проговорил:

— Понял я, понял.

С этими словами он заставил его замолчать.

Мимолетного поцелуя было уже недостаточно. Ему нужно было дойти до самой сути, сокрушить любую оборону и заставить противника сдаться, обессилев от восторга.

Ассистенты впереди старательно смотрели в лобовое стекло: шторка плотная, они ничего не видят и ничего не слышат.

Пожар не нанес съемочной площадке критического урона, пострадала в основном гримерка Бай Муюня. Нужно было лишь немного обновить декорации, чуть сместив основную локацию. Пока Лу Янь лежал в больнице, команда уже всю занималась восстановлением, так что через неделю после его выписки работа закипела с новой силой.

В одиннадцать вечера Бай Муюнь только вышел из душа, как в дверь постучали. Раздался тонкий, почти детский голосок:

— Послушный кролик, открывай дверку...

Бай Муюнь открыл и прислонился к косяку. Влажные волосы были зачесаны назад, открывая красивый лоб. В глазах плясали смешинки.

— О, режиссер Лу. И какой предлог на этот раз?

Лу Янь стоял с намыленной головой, запахнутый в банный халат.

— В моем номере воду отключили, — с самым серьезным видом заявил он. — Пришел просить убежища в ванной учителя Бая.

Актер иронично приподнял бровь:

— Вот как? На одном этаже у тебя воды нет, а у меня — есть?

Лу Янь, не дожидаясь приглашения, проскользнул внутрь.

— Ну да, этот отель полон загадок!

Едва сдерживая смех, Бай Муюнь закрыл дверь и указал на ванную:

— Иди уже, мойся.

Лу Янь обернулся и игриво подмигнул:

— Жди меня...

— Береги рану на спине.

— Знаю!

Бай Муюнь лишь вздохнул про себя: «Жди тебя... Каждый раз, как я жду, ты засыпаешь раньше, чем мы успеваем хоть что-то сделать».

Он сел на кровать и открыл книгу. Но не успел он прочесть и пары страниц, как из ванной донесся грохот и болезненное «Ой!».

Сердце Бай Муюня пропустило удар. Он отшвырнул книгу и бросился к двери:

— Янь-эр, что случилось?

— Всё в порядке!

— Открой, я посмотрю.

— Правда, ничего страшного! Я сейчас выйду.

Бай Муюнь не стал слушать. Он дернул за ручку — дверь оказалась не заперта. Внутри он застал Лу Яня, который, будучи совершенно нагим, пытался подняться, опираясь на раковину. Бай Муюнь бросил лишь короткий взгляд — дольше смотреть не решился, — тут же завернул его в полотенце и вынес на руках в комнату.

Лу Янь, густо покраснев, оправдывался:

— Я просто засыпал на ходу... прикрыл глаза на секунду и соскользнул.

— Угу.

— У тебя лицо такое красное.

— Угу. Давай волосы сушить.

Бай Муюнь включил фен. Шум воздуха заглушал бешеный стук его сердца. Он изо всех сил старался не смотреть на обнаженную кожу, выглядывающую из-под полотенца, и на эти манящие, с хитрецей, глаза.

Последние несколько дней Лу Янь то и дело пробирался к нему в постель. И хотя «прекрасный искуситель» был всегда под боком, Бай Муюнь не заходил дальше объятий и поцелуев. В-первых, мешала рана на спине, во-вторых — Лу Янь так упухивался за день, что засыпал мгновенно, и Бай Муюню не хватало духу его будить. Приходилось справляться самому в ванной.

Лу Янь осторожно коснулся ногой бедра мужчины, многозначительно потираясь. Бай Муюнь сглотнул. Он перехватил ступню, отставил её в сторону и строго выговорил:

— Ложись спать.

— Не хочу, — Лу Янь после падения окончательно проснулся и решил, что сейчас — самый подходящий момент, чтобы взять крепость штурмом.

Бай Муюнь выключил фен.

— Чуть не забыл, нужно нанести мазь.

Он достал лекарство и скомандовал:

— Повернись спиной.

Лу Янь послушно исполнил просьбу, позволив халату соскользнуть до поясницы. Линия его спины была тонкой и изящной, а кожа — болезненно бледной, если не считать багрового следа от ожога и синяков. Узкая ложбинка позвоночника уходила вниз, скрываясь в складках ткани, вызывая самые смелые фантазии.

Стараясь не смотреть по сторонам, Бай Муюнь сосредоточенно втирал мазь. Лу Янь, не в силах усидеть смирно, обернулся. Он соблазнительно улыбнулся:

— Святой монах, взгляни же на меня — неужто я не прекрасен?

Взгляд «святого монаха» оставался холодным лишь внешне, внутри же бушевало пламя затаенной страсти.

— Прекрасен.

— Так почему же ты недвижим, словно гора?

— Боюсь сделать тебе больно.

— Я не боюсь боли.

— Тебе всё же лучше поспать.

—...

В душе Бай Муюня бушевал шторм, но он с ледяным спокойствием закончил процедуру и убрал тубик. Внезапно Лу Янь резко развернулся и опрокинул его на кровать. Халат едва держался на плечах, открывая вид, способный свести с ума любого праведника.

— Святой отец, ночь долга... Не заняться ли нам чем-нибудь приятным?

«Святой отец» притянул его к себе еще ближе, и голос его стал хриплым:

— Чем именно?

Вместо ответа «прекрасный юноша» впился в его губы, шепча что-то неразборчивое между

поцелуями. Искры попали на сухой хворост, и пламя вспыхнуло мгновенно, сметая всё на своем пути.

...

Однако из-за травмы Лу Яня до самого конца дело так и не дошло.

Недовольный Лу Янь слегка прикусил его за шею:

— Я хочу тебя. Хочу, чтобы ты меня обнял... Только так я чувствую себя в безопасности. Хочу принадлежать тебе...

— Замолчи, — Бай Муюнь прикрыл ладонью этот бесстыжий, чересчур откровенный ротик. — Ты же меня с пол-оборота заводишь...

— Ого, святой монах, да ты силен. Который раз за ночь? Кажется, в будущем меня ждет много радостей... А сейчас я всё же хочу... М-м-м!

«Святой монах» заглушил поцелуем слова этого несносного мальчишки — другого способа заставить его замолчать просто не существовало.

<http://bllate.org/book/18159/1760836>